

КОМЕДИ КЛАСС!

Аркадий
Аверченко

Светлана
Волкова

*Юлия
Евграфова

Александр
Егоров

Эдуард
Успенский

Вера
Гамаюн

Анна
Зимова

Виктор
Драгунский

Михаил
Зощенко

Елена
Пальванова

ЁЛКИ ЗЕЛЁНЫЕ!

Весёлые новогодние истории

**Анна Сергеевна Зимова
Виктор Юзефович Драгунский
Светлана Васильевна Волкова
Аркадий Тимофеевич Аверченко
Юлия Евграфова
Эдуард Николаевич Успенский
Михаил Михайлович Зощенко
Елена Пальванова
Вера Гамаюн
Александр А. Егоров
Елки зеленые! Весёлые
новогодние истории,
рассказанные классными
классиками и классными
современниками
Серия «Камеди Класс!»**

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68368730*

*Аркадий Аверченко, Виктор Драгунский, Эдуард Успенский и др.
Ёлки зелёные! Весёлые новогодние истории, рассказанные классными
классиками и классными современниками (сборник): Издательство
АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-151201-9*

Аннотация

Как отметить новогодние праздники так, чтобы потом весь год вспоминать о них с улыбкой? В этой книге вы точно найдёте пару-тройку превосходных идей!

Например, как с помощью бутылки газировки победить в необычном состязании, или как сделать своими руками такой подарок маме, которому ужаснётся обрадуется вся семья, включая кота, или как занять первое место на конкурсе карнавальных костюмов.

Эти и другие весёлые новогодние истории рассказали классики и современники – писатели Аркадий Аверченко, Михаил Зощенко, Н. А. Тэффи, Виктор Драгунский, Эдуард Успенский, Анна Зимова, Юлия Евграфова, Александр Егоров, Светлана Волкова, Вера Гамаюн и Елена Пальванова.

Рекомендовано для чтения в любое время года, но особенно – в декабре и январе.:)

Содержание

Классные классики	6
Аркадий Аверченко	7
Аркадий Аверченко	17
Михаил Зощенко	30
Виктор Драгунский	40
Заколдованная буква	40
Ровно 25 кило	44
Кот в сапогах	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Аркадий Аверченко,
Виктор Драгунский,
Эдуард Успенский и др
Ёлки зелёные!**

**Весёлые новогодние
истории, рассказанные
классными классиками
и классными**

современниками (сборник)

© Авторы, наследники, текст, ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

В оформлении обложки использованы рисунки *Юлии Ме-
жовой, Анны Сладковой, Светланы Соловьёвой*

Классные классики

Аркадий Аверченко
Продувной мальчишка
Рождественский рассказ

Художник *Анна Власова*

В нижеследующем рассказе есть все элементы, из которых
слагается обычный сентиментальный рождественский рас-

сказ: есть маленький мальчик, есть его мама и есть елочка, но только рассказ-то получается совсем другого сорта... Сентиментальность в нем, как говорится, и не ночевала.

Это – рассказ серьезный, немного угрюмый и отчасти жестокий, как рождественский мороз на севере, как жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговор о елке между Володькой и мамой возник дня за три до рождества, и возник не преднамеренно, а, скорее, случайно, по дурацкому звуковому совпадению.

Намазывая за вечерним чаем кусок хлеба маслом, мама откусила кусочек и поморщилась.

– Масло-то, – проворчала она, – совсем ёлкое¹...

– А у меня елка будет? – осведомился Володька, с шумом схлебывая с ложки чай.

– еще чего выдумал! Не будет у тебя елки. Не до жиру – быть бы живу. Сама без перчаток хожу.

– Ловко, – сказал Володька. – у других детей сколько угодно елков, а у меня, будто я и не человек.

– попробуй сам устроить – тогда и увидишь.

– Ну и устрою. Большая важность. еще почище твоей будет. Где мой картуз?

---

¹ Ёлкий — затхлый, прогорклый. – *Здесь и далее примеч. ред.*

– Опять на улицу?! И что это за ребенок такой! Скоро совсем уличным мальчишкой сделаешься!.. Был бы жив отец, он бы тебе...

Но так и не узнал Володька, что бы сделал с ним отец: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а он уже гигантскими прыжками спускался по лестнице, меняя на некоторых поворотах способ передвижения: съезжая на перилах верхом.

На улице Володька сразу принял важный, серьезный вид, как и полагалось владельцу многотысячного сокровища.

дело в том, что в кармане Володьки лежал огромный бриллиант, найденный им вчера на улице, – большой сверкающий камень, величиной с лесной орех.

На этот бриллиант Володька возлагал очень большие надежды: не только елка, а пожалуй, и мать можно обеспечить.

«Интересно бы знать, сколько в нем карат?» – думал Володька, солидно натянув огромный картуз на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожих.

Вообще, нужно сказать, голова Володьки – самый прихотливый склад обрывков разных сведений, знаний, наблюдений, фраз и изречений.

В некоторых отношениях он грязно невежествен: например, откуда-то подцепил сведение, что бриллианты взвешиваются на караты, и в то же время совершенно не

знает, какой губернии их город, сколько будет, если умножить 32 на 18, и почему от электрической лампочки нельзя

закурить папироски.

практически же его мудрость вся целиком заключалась в трех поговорках, вставляемых им всюду, сообразно обстоятельствам: «Бедному жениться – ночь коротка», «Была не была – повидаться надо» и «Не до жиру – быть бы живу».

последняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первые две – черт его знает у кого.

Войдя в ювелирный магазин, Володька засунул руку в карман и спросил:

– Бриллианты покупаете?

– Ну, и покупаем, а что?

– Свесьте-ка, сколько каратов в этой штучке?

– да это простое стекло, – усмехнувшись, сказал ювелир.

– Все вы так говорите, – солидно возразил Володя.

– Ну вот, поразговаривай тут еще. проваливай! – Многокаратный бриллиант весьма непочтительно полетел на пол.

– Эх, – кряхтя нагнулся Володя за развенчанным камнем. – Бедному жениться —

ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящий бриллиант. Хи! Ловко, нечего сказать... Ну что ж... Не до жиру – быть бы живу. пойду, наймусь в театр.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелеяна Володькой. Слыхивал он кое от кого, что иногда в театрах для игры требуются мальчишки, но как приняться за эту штуку – он совершенно не знал.

Однако не в характере Володьки было раздумывать: дей-

дя до театра, он одну секунду запнулся о порог, потом смело шагнул вперед и для собственного оживления и бодрости прошептал себе под нос: «Ну, была не была – повидаться надо».

подошел к человеку, отрывавшему билеты, и, задрав голову, спросил деловито:

– Вам мальчики тут нужны, чтоб играть?

– пошел, пошел. Не болтайся тут.

подождав, пока билетер отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился перед заветной дверью, за которой гремела музыка.

– Ваш билет, молодой человек, – остановила его билетерша.

– Слушайте, – сказал Володька, – тут у вас в театре сидит один господин с черной бородой. у него дома случилось несчастье – жена умерла. Меня прислали за ним. позовите-ка его!

– Ну, стану я там твою черную бороду искать – иди сам и ищи!

Володька, заложив руки в карманы, победоносно вступил в театр и сейчас же, высмотрев свободную ложу, уселся в ней, устремив на сцену свой критический взор.

Сзади кто-то похлопал по плечу.

Оглянулся Володька: офицер с дамой.

– Эта ложа занята, – холодно заметил Володька.

– Кем?

– Мною. Рази не видите?

Дама рассмеялась, офицер направился было к капельди-
неру, но дама остановила его:

– Пусть посидит с нами, хорошо? Он такой маленький и
такой важный. Хочешь с нами сидеть?

– Сидите уж, – разрешил Володька. – Это что у вас? про-
граммка? А ну, дайте...

Так сидели трое до конца первой серии.

– Уже конец? – грустно удивился Володька, когда занавес опустился. – Бедному жениться – ночь коротка. Эта про-
граммка вам уже не нужна?

– Не нужна. Можешь взять ее на память о такой приятной
встрече.

Володька деловито осведомился:

– Почему платили?

– Пять рублей.

«Продам на вторую серию», – подумал Володька и, под-
цепив по пути из соседней ложи еще одну брошенную про-
граммку, бодро отправился с этим товаром к главному вы-
ходу.

Когда он вернулся домой, голодный, но довольный, у него
в кармане вместо фальшивого бриллианта были две настоя-
щие пятирублевки.

На другое утро Володька, зажав в кулак свой оборотный капитал, долго бродил по улицам, присматриваясь к деловой жизни города и прикидывая глазом – во что бы лучше вложить свои денежки.

А когда он стоял у огромного зеркального окна кафе, его осенило.

– Была не была – повидаться надо, – подстегнул он сам себя, нахально входя в кафе.

– Что тебе, мальчик? – спросила продавщица.

– Скажите, пожалуйста, тут не приходила дама с серым мехом и с золотой сумочкой?

– Нет, не было.

– Ага. Ну, значит, еще не пришла. Я подожду ее. – И уселся за столик.

«Главное, – подумал он, – втереться сюда. Попробуй-ка выгони потом: я такой рев подыму!...»

Он притаился в темном уголку и стал выжидать, шныряя черными глазенками во все стороны.

Через два столика от него старик дочитал газету, сложил ее и принялся за кофе.

– Господин, – шепнул Володька, подойдя к нему. – Сколько заплатили за газету?

– Пять рублей.

– Продайте за два. Все равно ведь прочитали.

– А зачем она тебе?

– Продам. Заработаю.

– О-о... да ты, брат, деляга. Ну, на. Вот тебе трешница сдачи. Хочешь сдобного хлеба кусочек?

– Я не нищий, – с достоинством возразил Володька. – Только вот на елку заработаю – и шабаш. Не до жиру – быть бы живу.

Через полчаса у Володьки было пять газетных листов, немного измятых, но вполне приличных на вид.

Дама с серым мехом и с золотой сумочкой так и не пришла. Есть некоторые основания думать, что существовала она только в разгоряченном Володькином воображении.

Прочитав с превеликим трудом совершенно ему непонятный заголовок: «Новая позиция Ллойд Джорджа»², Володька, как безумный, помчался по улице, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

– Интер-ресные новости! Новая позиция Ллойд Джорджа – цена пять рублей. Новая позиция за пять рублей!!!

А перед обедом, после ряда газетных операций, его можно было видеть идущим с маленькой коробочкой конфет и сосредоточенным выражением лица, еле видимого из-под огромной фуражки.

На скамейке сидел праздный господин, лениво покуривая папиросу.

---

² Ллойд Джордж – премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год.

– Господин, – подошел к нему Володька. – Можно вас что-то спросить?..

– Спрашивай, отроче. Валяй!

– Если полфунта конфет – 27 штук – стоят 55 рублей, так сколько стоит штука?

– Точно, брат, трудно сказать, но около двух рублей штука. А что?

– Значит, по пяти рублей выгодно продавать? Ловко! Может, купите?

– Я куплю пару, с тем чтобы ты сам их и съел.

– Нет, не надо, я не нищий. Я только торгую... да купите! Может, знакомому мальчику отдадите.

– Эх-ма, уговорил! Ну, давай на керенку³, что ли...

Володькина мать пришла со своей белошвейной работы поздно вечером...

На столе, за которым, положив голову на руки, сладко спал Володька, стояла крохотная елочка, украшенная парой яблок, одной свечечкой и тремя-четырьмя картонажами⁴, – и все это имело прежалкий вид.

У основания елки были разложены подарки: чтобы не было сомнения, что кому предназначено, около цветных карандашей была положена бумажка с корявой надписью:

---

³ *Керенка, керенки* — так в народе называли бумажные деньги, имевшие хождение в России с 1917 по 1919 год (по фамилии министра А. Ф. Керенского).

⁴ *Картонаж* — картонная коробочка для конфет или других сладостей.

– «Дли Валоди».

А около пары теплых перчаток другая бумажка с еще более корявым предназначением:

– «Дли мами»...

Крепко спал продувной мальчишка, и неизвестно где, в каких сферах витала его хитрая купеческая душонка...

Аркадий Аверченко

Рождественский день у Киндяковых

Художник *Анна Власова*

Одиннадцать часов. утро морозное, но в комнате тепло. печь весело гудит и шумит, изредка потрескивая и выбрасывая на железный лист, прибитый к полу на этот случай, целый сноп искр.

Нервный отблеск огня уютно бежит по голубым обоям.

Все четверо детей Киндяковых находятся в праздничном, сосредоточенно-торжественном настроении. Всех четверых праздник будто накрахмалил⁵, и они тихонько сидят, боясь пошевелиться, стесненные в новых платьицах и костюмчиках, начисто вымытые и причесанные.

Восьмилетний Егорка уселся на скамеечке у раскрытой печной дверки и, не мигая, вот уже полчаса смотрит на огонь.

На душу его сошло тихое умиление: в комнате тепло, новые башмаки скрипят так, что лучше всякой музыки, и к обе-ду пирог с мясом, поросенок и желе.

Хорошо жить. Только бы Володька не бил и, вообще, не задевал его. Этот Володька – прямо какое-то мрачное пятно на беспечальном существовании Егорки.

Но Володьке – двенадцатилетнему ученику городского училища – не до своего кроткого меланхоличного брата. Володя тоже всей душой чувствует праздник – и на душе его светло.

Он давно уже сидит у окна, стекла которого мороз украсил затейливыми узорами, – и читает.

Книга – в старом, потрепанном, издавшем виды переплете, и называется она: «Дети капитана Гранта». перелистывая страницы, углубленный в чтение Володя, нет-нет да и посмотрит со стесненным сердцем: много ли осталось до кон-

---

⁵ Кружевные воротнички и белые блузки полоскали в растворе крахмала. После полоскания одежда меньше мялась и пачкалась.

ца? Так горький пьяница с сожалением рассматривает на свет остатки живительной влаги в графинчике.

Проглотив одну главу, Володя обязательно сделает маленький перерыв: потрогает новый лакированный пояс, которым подпоясана свеженькая ученическая блузка, полюбуется на свежий излом в брюках и в сотый раз решит, что нет красивее и изящнее человека на земном шаре, чем он.

А в углу, за печкой, там, где висит платье мамы, примостились самые младшие Киндяковы...

Их двое: Милочка (Людмила) и Карасик (Костя). Они, как тараканы, выглядывают из своего угла и всё о чем-то шепчутся.

Оба еще со вчерашнего дня уже решили эмансипироваться⁶ и зажить своим домком. Именно – накрыли ящичек из-под макарон носовым платком и расставили на этом столе крохотные тарелочки, на которых аккуратно разложены: два кусочка колбасы, кусочек сыру, одна сардинка и несколько карамелек. даже две бутылочки из-под одеколona украсили этот торжественный стол: в одной – «церковное» вино, в другой – цветочек, – всё, как в первых домах.

Оба сидят у своего стола поджавши ноги и не сводят восторженных глаз с этого произведения уюта и роскоши.

И только одна ужасная мысль грызет их сердца: что если Володька обратит внимание на устроенный ими стол? для этого прожорливого дикаря нет ничего святого: сразу нале-

---

⁶ Стать независимыми, самостоятельными.

тит, одним движением опрокинет себе в рот колбасу, сыр, сардинку и улетит, как ураган, оставив позади себя мрак и разрушение.

– Он читает, – шепчет Карасик.

– Пойди, поцелуй ему руку... Может, тогда не тронет. Пойдешь?

– Сама пойди, – сипит Карасик. – Ты девочка. – Буквы «к» Карасик не может выговорить. Это для него закрытая дверь. Он даже имя свое произносит так:

– Тарасит.

Милочка со вздохом встает и идет с видом хлопотливой хозяйки к грозному брату. Одна из его рук лежит на краю подоконника; Милочка тянется к ней, к этой загрубевшей от возни со снежками, покрытой рубцами и царапинами от жестоких битв, страшной руке... Целует свежими розовыми губками.

И робко глядит на ужасного человека.

Эта умиловительная жертва смягчает Володино сердце. Он отрывается от книги:

– Ты что, красавица? Весело тебе?

– Весело.

– То-то. А ты вот такие пояса видала?

Сестра равнодушна к эффектному виду брата, но чтобы подмазаться к нему, хвалит:

– Ах, какой пояс! Прямо прелесть!..

– То-то и оно. А ты понюхай, чем пахнет.

– Ах, как пахнет!!! Прямо – кожей.

– То-то и оно.

Милочка отходит в свой уголок и снова погружается в немое созерцание стола. Вздыхает...

Обращается к Карасику:

– Поцеловала.

– Не дерется?

– Нет. А там окно такое замерзнутое.

– А Егорта стола не тронет? Пойди и ему поцелуй руту.

– Ну вот еще! Всякому целовать. Чего недоставало!

– А если он на стол наплюнет?

– Пускай, а мы вытирем.

– А если на толбасу наплюнет?

– А мы вытирем. Не бойся, я сама съем. Мне не противно.

В дверь просовывается голова матери.

– Володенька! К тебе гость пришел, товарищ.

Боже, какое волшебное изменение тона! В будние дни разговор такой: «Ты что же это, дрянь паршивая, с курами клевал, что ли? Где в чернила убрался? Вот придет отец, скажу ему – он тебе пропишет ижицу⁷. Сын, а хуже босявки!»

А сегодня мамин голос – как флейта. Вот это праздничек!

Пришел Коля Чебурахин.

Оба товарища чувствуют себя немного неловко в этой атмосфере праздничного благочиния и торжественности.

Странно видеть Володе, как Чебурахин шаркнул ножкой,

---

⁷ Прописать ижицу – строго наказать.

здороваясь с матерью, и как представился созерцателю – Егорке:

– Позвольте представиться, Чебурахин. Очень приятно.

Как все это необычно! Володя привык видеть Чебурахина в другой обстановке, и манеры Чебурахина, обыкновенно, были иные.

Чебурахин, обыкновенно, ловил на улице зазевавшегося гимназистика, грубо толкал его в спину и сурово спрашивал:

– Ты чего задаешься?

– А что? – в предсмертной тоске шептал робкий «карандаш»⁸. – Я ничего.

– Вот тебе и ничего! По морде хочешь схватить?

– Я ведь вас не трогал, я вас даже не знаю.

– Говори: где я учусь? – мрачно и величественно спрашивал Чебурахин, указывая на потускневший, полуоборванный герб на фуражке.

---

⁸ *Карандаши* — прозвище гимназистов младших классов.

– В городском.

– Ага! В городском! Так почему же ты, мразь несчастная, не снимаешь передо мной шапку? Учить нужно?

Ловко сбита Чебурахиным гимназическая фуражка летит в грязь. Оскорбленный, униженный гимназист горько рыдает, а Чебурахин, удовлетворенный, «как ТИГР (его собственное сравнение) крадется» дальше.

И вот теперь этот страшный мальчик, еще более страшный, чем Володя, – вежливо здоровается с мелкотой, а когда Володина мать спрашивает его фамилию и чем занимаются его родители, яркая горячая краска заливает нежные, смуглые, как персик, Чебурахинские щеки.

Взрослая женщина беседует с ним как с равным, она приглашает садиться! Поистине, это рождество делает с людьми чудеса!

Мальчики садятся у окна и, сбитые с толку необычностью обстановки, улыбаясь, поглядывают друг на друга.

– Ну, вот хорошо, что ты пришел. Как поживаешь?

– Ничего себе, спасибо. Ты что читаешь?

– «Дети капитана Гранта». Интересная!

– Дашь почитать?

– Дам. А у тебя не порвут?

– Нет что ты! (пауза). А я вчера одному мальчику по морде дал.

– Ну?

– Ей-Богу. Накажи меня Бог, дал. Понимаешь, иду я по Слободке, ничего себе не думаю, а он ка-ак мне кирпичиной в ногу двинет! Я уж тут не стерпел. Кэ-эк ахну!

– После Рождества надо пойти на Слободку бить мальчишек. Верно?

– Обязательно пойдем. Я резину для рогатки купил. (пауза). Ты бизонье мясо ел когда-нибудь?

Володе смертельно хочется сказать: «Ел». Но никак невозможно... Вся жизнь Володи прошла на глазах Чебурахина, и такое событие, как потребление в пищу бизоньего мяса, никак не могло бы пройти незамеченным в их маленьком городке.

– Нет, не ел. А, наверное, вкусное. (пауза). Ты бы хотел быть пиратом?

– Хотел. Мне не стыдно. Всё равно, пропащий человек...

– Да и мне не стыдно. Что ж, пират такой же человек, как другие. Только что грабит.

– Понятно! Зато приключения. (пауза). А позавчера я одному мальчику тоже по зубам дал. Что это, в самом деле, такое?! Наябедничал на меня тетке, что курю. (пауза). А австралийские дикари мне не симпатичны, знаешь! Африканские негры лучше.

– Бушмены. Они привязываются к белым.

А в углу бушмен Егорка уже, действительно, привязался к белым:

– Дай конфету, Милка, а то на стол плюну.

– Пошел, пошел! Я маме скажу.

– Дай конфету, а то плюну.

– Ну и плюй. Не дам.

Егорка исполняет свою угрозу и равнодушно отходит к печке. Милочка стирает передничком с колбасы плевок и снова аккуратно укладывает ее на тарелку. В глазах ее долготерпение и кротость.

Боже, сколько в доме враждебных элементов... Так и приходится жить – при помощи ласки, подкупа и унижения.

– Этот Егорка меня смешит, – шепчет она Карасику, чувствуя некоторое смущение.

– Он дурач. Тат будто это его тонфеты.

А к обеду приходят гости: служащий в пароходстве Чилибеев с женой и дядя Аким Семёныч. Все сидят, тихо перебрасываясь односложными словами, до тех пор, пока не уселись за стол.

За столом шумно.

– Ну, кума, и пирог! – кричит Чилибеев. – Всем пирогам пирог.

– Где уж там! Я думала, что совсем не выйдет. Такие паршивые печи в этом городе, что хоть на грубке⁹ пеки.

– А поросенок! – восторженно кричит Аким, которого все немного презирают за его бедность и восторженность. – Это ж не поросенок, а черт знает что такое.

– Да, и подумайте; такой поросенок, что тут и смотреть

---

⁹ Грубка — украинская деревенская печь с лежанкой.

нечего – два рубли! С ума они посходили там на базаре! Кура – рубль, а к индюшкам приступу нет! И что оно такое будет дальше, прямо неизвестно.

В конце обеда произошел инцидент: жена Чилибеева опрокинула стакан с красным вином и залила новую блузку Володи, сидевшего подле.

Киндяков-отец стал успокаивать гостью, а Киндякова-мать ничего не сказала... Но по лицу ее было видно, что если бы это было не у нее в доме и был бы не праздник, – она бы взорвалась от гнева и обиды за испорченное добро – как пороховая мина.

Как воспитанная женщина, как хозяйка, понимающая, что такое хороший тон, – Киндякова-мать предпочла накинуться на Володю:

– Ты чего тут под рукой расселся! И что это за паршивые такие дети, они готовы мать в могилу заколотить. поел, кажется, – и ступай. Расселся, как городская голова! До неба скоро вырастешь, а все дураком будешь. Только в книжки свои нос совать мастер!

И сразу потускнел в глазах Володи весь торжественный праздник, все созерцательно-восторженное настроение... Блуза украсилась зловещим темным пятном, душа оскорблена, втоптана в грязь в присутствии посторонних лиц, и главное – товарища Чебурахина, который тоже сразу потерял весь свой блеск и очарование необычности.

Хотелось встать, уйти, убежать куда-нибудь. Встали,

ушли, убежали. Оба. На Слободку. И странная вещь: не будь темного пятна на блузке – все кончилось бы мирной прогулкой по тихим рождественским улицам.

Но теперь, как решил Володя, «терять было нечего».

Действительно, сейчас же встретили трех гимназистов-второклассников.

– Ты чего задаешься? – грозно спросил Володя одного из них.

– Дай ему, дай, Володька! – шептал сбоку Чебурахин.

– Я не задаюсь, – резонно возразил гимназистик. – А вот ты сейчас макарон получишь.

– Я? – В голосе Володи сквозило непередаваемое презрение. – Я? Кто вас от меня, несчастных, отнимать будет?

– Сам, форсила несчастная!

– Эх! – крикнул Володя (все равно, блуза уже не новая!), лихим движением сбросил с плеч пальто и размахнулся.

А от угла переулка уже бежали четыре гимназиста на подмогу своим....

– Что ж они, сволочи паршивые, семь человек на двух! – хрипло говорит Володя, еле шевеля распухшей, будто чужой губой и удовлетворенно поглядывая на друга затекшим глазом. – Нет, ты, брат, попробуй два на два... Верно?

– Понятно.

И остатки праздничного настроения сразу исчезли – его сменили обычные будничные дела и заботы.

Михаил Зощенко
Ёлка
(публикуется с сокращениями)

Художник *Александр Андреев*

Когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое елка.

И я с нетерпением ожидал этого веселого праздника. И даже в щелочку двери подглядывал, как моя мама украшает елку.

А моей сестренке Лёле было в то время семь лет. И она

была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

– Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдем в комнату, где стоит елка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестренкой Лёлей вошли в комнату. И видим, очень красивая елка. А под елкой лежат подарки. А на елке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестренка Лёля говорит:

– Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедем по одной пастилке.

И вот она подходит к елке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

– Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к елке и откусываю маленький кусочек яблока.

Лёля говорит:

– Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе еще эту конфетку.

А Лёля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

– Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю.

Лёля говорит:

– Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопущку и орех.

Тогда я чуть не заревел, потому что она могла до всего дотянуться, а я нет.

Я ей говорю:

– А я, Лёлища, как подставлю к елке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к елке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

– Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздались мамины шаги, и мы с Лёлей убежали в другую комнату.

Лёля говорит:

– Вот теперь, Минька, и не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на елке, открыла дверь и сказала:

– Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла елка.

Наша мама говорит:

– Теперь пусть каждый ребенок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. потом снимала с елки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребенку.

И все дети были очень рады. потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

– Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Лёля сказала:

– Это Минькина работа.

Я дернул Лёлю за косичку и сказал:

– Это меня Лёлька научила.

Мама говорит:

– Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырех-летнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

– С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

– Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

– Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

– Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребенком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

– Я так и сделаю. С вами водиться – что в крапиву садиться.

И тогда еще одна, третья мама, сказала:

– И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы

ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестренка Лёля закричала:

– Можете тоже уходить со своим золотушным ребенком.

И тогда кукла со сломанной рукой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

– Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошел наш папа.

Он сказал:

– Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошел к елке и потушил все свечи. Потом сказал:

– Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, я до сих пор хорошо помню эту елку.

Виктор Драгунский

Заколдованная буква

Художник *Ольга Смирнова*

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь ее на по-

па! Легче, а то весь шпиц¹⁰ обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактировать¹¹, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатились. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

---

¹⁰ *Шпиц* — имеется в виду верхушка елки.

¹¹ Подписать акт, документы о передаче.

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

у Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! у меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

*Ох, хыхечка зеленая,
Боюсь уколося я.*

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы. Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно:

фыфки!
Вот и всё!

Ровно 25 кило

Художник *Ольга Смирнова*

Ура! Нам с Мишкой дали пригласительный билет в клуб «Металлист», на детский праздник. Это тетя Дуся постаралась: она в этом клубе главная уборщица. Билет-то она нам дала один, а написано на нем: «На два лица»! На мое, значит, лицо и на Мишкино. Мы с ним очень обрадовались, тем более это недалеко от нас, за углом.

Мама сказала:

– Вы только там не балуйтесь.

И дала нам денег, каждому по пятнадцать копеек.

И мы пошли с Мишкой.

Там в раздевалке была страшная толчея и очередь. Мы с Мишкой встали самые последние. Очередь чересчур медленно двигалась. Но вдруг наверху заиграла музыка, и мы с Мишкой заметались из стороны в сторону, чтобы поскорее снять пальто, и многие ребята тоже, как только услышали эту музыку, заметались как подстреленные и даже стали реветь, что они опаздывают на самое интересное.

Но тут откуда ни возьмись выскочила тетя Дуся:

– Дениска с Мишкой! Вы чего там колготитесь-то? Сюда давайте!

И мы побежали к ней, а у нее свой отдельный кабинет под лестницей, там щетки стоят и ведра. Тетя Дуся взяла наши вещи и сказала:

– Здесь и оденетесь, чертенята!

И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки, вверх. Ну а там действительно было красиво! Ничего не скажешь! Все потолки были увешаны разноцветными бумажными лентами и фонариками, всюду горели красивые лампы из зеркальных осколков, играла музыка, и в толпе ходили наряженные артисты: один играл на трубе, другой – на барабане. Одна тетенька была одета как лошадь, и зайцы тоже были, и кривые зеркала, и петрушка.

А в конце зала была еще одна дверь, и на ней было написано: «Комната аттракционов».

Я спросил:

– Это что такое?

– Это разные затеи.

И правда, там были разные затеи. Например, там висело яблоко на нитке, и надо было заложить руки за спину – и так, без рук, это яблоко грызть. Но оно вертится на нитке и никак не дается. Это очень трудно и даже обидно. Я два раза хватал это яблоко руками и кусал. Но мне не давали его сгрызть, а только смеялись и отнимали. Еще там была стрельба из лука, а на конце стрелы не наконечник, а резиновая нашлапка, она присасывается, и вот, кто попадет в картонку, в центр, где нарисована обезьяна, тому приз – хлопушка с секретом.

Мишка стрелял первый, он долго метился, а когда выстрелил, то разбил одну далекую лампу, а в обезьяну не попал...

Я говорю:

– Эх ты, стрелок!

– Это я еще не пристрелялся! если бы дали пять стрел, я бы пристрелялся. А то дали одну – где тут попасть!

Я повторяю:

– Давай, давай! Гляди-ка, я сейчас же попаду в обезьянку!

И дяденька, который распоряжался этим луком, дал мне стрелу и говорит:

– Ну, стреляй, снайпер!

И сам пошел поправить обезьянку, потому что она как-то покосилась. А я уже прицелился и все ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я все время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьянку», – и вдруг стрела сорвалась, и хлоп! Вонзилась дяденьке в лопатку. И там, на лопатке, затрепетала.

Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька обернулся как ужаленный и закричал:

– Что тут смешного? Не понимаю! уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!

Я сказал:

– Я не нарочно! – и ушел от этого места.

Просто удивительно, как нам не повезло, и я был очень сердитый, и Мишка, конечно, тоже.

И вдруг видим – стоят весы. И к ним небольшая веселая очередь, которая быстро движется, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун.

Я спрашиваю:

– Это что за весы?

А мне говорят:

– Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется двадцать пять кило весу, тогда твое счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка».

Я говорю:

– Мишка, давай попробуем?

Гляжу, а Мишки нет. И куда он подевался, неизвестно. Я решил один попробовать. А вдруг я вешу ровно 25 кило? Вот будет удача!..

А очередь все движется, и клоун в шапке ловко так щелкает рычажками и все шутит да шутит:

– У вас семь кило лишних – меньше кушайте мучного! – Щелк-щелк! – А вы, уважаемый товарищ, еще мало каши ели, и всего-то вы тянете девятнадцать килишек! Заходите через годик. – Щелк-щелк!

И так далее, и все смеются, и отходят, очередь движется, и никто не весит ровно двадцать пять кило, и вот доходит дело до меня.

Я влез на весы – рычажки щелк-щелк, и клоун говорит:

– Ого! Знаешь игру в горячо-холодно?

Я говорю:

– Кто ж не знает!

Он говорит:

– У тебя довольно горячо получилось. Твой вес двадцать четыре кило пятьсот граммов, не хватает ровно полкило. А жаль. Будь здоров!

Подумаешь, всего только полкило не хватает!

У меня совсем настроение испортилось. Вот какой день невезучий!

И тут Мишка появляется.

Я говорю:

– Где это ваша милость пропадает?

Мишка говорит:

– Ситро пил.

Я говорю:

– Хорош, нечего сказать. Я тут стараюсь, «Мурзилку» выигрываю, а он ситро пьет.

И я ему все рассказал. Мишка говорит:

– А ну-ка я!

И клоун щелкнул рычажком и захохотал:

– Небольшой перебор-с! двадцать пять кило пятьсот граммов. Вам надо похудеть. Следующий!

Мишка слез и говорит:

– Эх, зря я ситро пил...

Я говорю:

– А при чем здесь ситро?

А Мишка:

– Я целую бутылку выпил! понимаешь?

Я говорю:

– Ну и что?

Мишка даже разозлился:

– Да разве ты не знаешь, что в бутылке помещается ровно пол-литра воды?

Я говорю:

– Знаю. Ну и что?

Тут Мишка прямо зашипел:

– А пол-литра воды – это и есть полкило. Пятьсот граммов! если бы я не пил, я бы весил ровно двадцать пять кило!

Я говорю:

– Ну да?

Мишка говорит:

– Вот то-то и оно-то!

И тут меня словно осенило.

– Мишка, – сказал я, – а Мишка! «Мурзилка» наш!

Мишка говорит:

– А каким образом?

– А таким. Пришло мое время ситро пить. У меня как раз пятьсот граммов не хватает!

Мишка даже подскочил:

– Все ясно, бежим в буфет!

И мы быстро купили бутылку воды, продавщица ее отку-

порила, а Мишка спросил:

– Тетя, а в бутылке всегда ровно поллитра, недолива не бывает?

Продавщица покраснела:

– Ты еще маленький такие глупости мне говорить!

Я взял бутылку, сел за столик и начал пить. Мишка стоял рядом и смотрел. Вода была очень холодная. Но я выпил полный стакан просто залпом. Мишка сейчас же налил мне второй, но там еще осталось на дне довольно много, и мне уже не хотелось больше пить.

Мишка сказал:

– Давай не задерживай.

А я сказал:

– Уж очень холодная. Как бы ангину не схватить.

Мишка говорит:

– Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да?

Я говорю:

– Это ты, наверно, струсил.

И стал пить второй стакан.

Он довольно трудно в меня лился. Я как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краев.

Я говорю:

– Стоп, Мишка! Больше не войдет!

– Войдет, войдет. Это только так кажется! пей.

Я попробовал. Не лезет.

Мишка говорит:

– Ты чего расселся, как барон! Ты встань, так влезет!

Я встал. И правда, допил стакан каким-то чудом. А Мишка сейчас же налил мне все, что оставалось в бутылке. Получилось больше, чем полстакана.

Я говорю:

– Я сейчас лопну.

Мишка говорит:

– А как же я не лопнул? Я ведь тоже думал, что лопну. Давай поднажми.

– Мишка. Если. Я лопну. Ты. Будешь. Отвечать.

Он говорит:

– Хорошо. Пей давай.

И я опять стал пить. И все выпил. Просто чудеса какие-то! Только я говорить не мог. Потому что вода перелилась уже выше горла и булькала во рту. И понемножку выливалась из носа.

И я побежал к весам. Клоун не узнал меня. Он сделал «щелк-щелк» и вдруг закричал на весь зал:

– Уррра! есть! Точно!!! Тютелька в тютельку. Годовая подписка на «Мурзилку» выиграна. Она досталась мальчику, который весит ровно двадцать пять килограммов. Вот квитанция, сейчас я ее заполню. Похлопаем!

Он взял мою левую руку и поднял ее вверх, и все захлопали, и клоун спел туш¹²! потом он взял вечное перо¹³ сказал:

---

¹² Короткое музыкальное произведение. Исполняется, например, после номера

– Ну! Как тебя зовут? Имя и фамилия? Отвечай!

Но я молчал. Я был наполненный и не мог говорить.

Тут Мишка закричал:

– Его зовут денис. Фамилия Кораблёв! пишите, я его знаю!

Клоун протянул мне заполненную квитанцию и сказал:

– Скажи хоть спасибо!

Я мотнул головой, а Мишка опять закричал:

– Это он говорит «спасибо». Я его знаю!

А клоун говорит:

– Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит, как будто воды в рот набрал!

А Мишка говорит:

– Не обращайтесь внимания, он застенчивый, я его знаю!

И он схватил меня за руку и поволок вниз.

И я на улице немножко отдышался. Я сказал:

– Мишка, мне как-то не хочется нести эту подписку домой, раз во мне только двадцать четыре с половиной кило.

А Мишка говорит:

– Тогда отдай мне. Во мне-то аккурат двадцать пять. Если бы я не пил ситро, я бы сразу ее получил. Давай сюда.

– Что ж, я, по-твоему, напрасно страдал? Нет уж, пусть она будет наша общая – напополам!

Тогда Мишка сказал:

– Правильно!

Кот в сапогах

Художник *Ольга Смирнова*

– Мальчики и девочки! – сказала Раиса Ивановна. – Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно,

а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. – И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу – и гном готов. А ты кем нарядишься?

– Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вел себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шел снег, и все время я думал, когда же мама вернется. Я зачеркивал клеточки на своем календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

– Идешь ты или нет?

Я спрашиваю:

– Куда?

Мишка кричит:

– Как – куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

– У меня нет костюма! у нас мама уехала.

А Мишка говорит:

– Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

– Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы – это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь – первое дело бахилы. Нипочем ноги не промочишь.

Мишка говорит:

– А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

– А шапку какую?

Я говорю:

– Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

– Давай ее скорей!

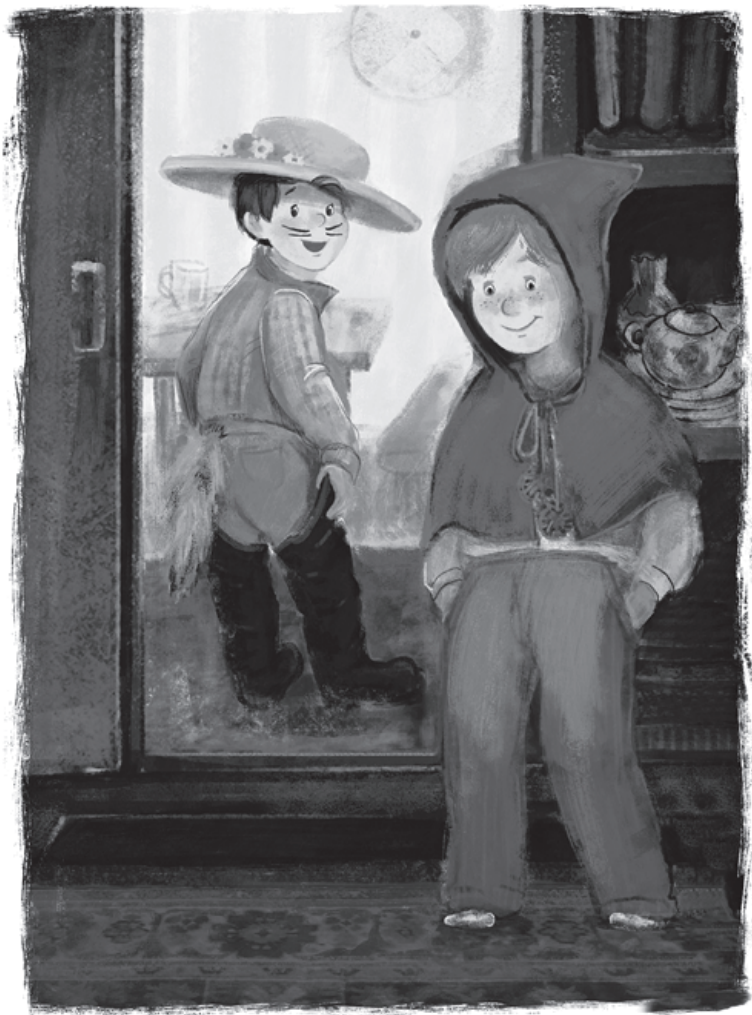
Достал я шляпу, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но все-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

– Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

– Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

– Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

– Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

– Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я – Кот в сапогах! Только жалко, хвоста нет! Я спрашиваю:

– Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

– Разве я очень похожа на черта?

– Нет, не очень, – говорю я. – Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

– Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с черными пятнами.

– Вот, – говорит, – это хвост от старой горжетки¹⁴ в по-

---

¹⁴ Маленький меховой шарф.

следнее время прочищаю им керогаз¹⁵но, думаю, тебе он вполне подойдет.

Я сказал «большое спасибо» и понес хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

– Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколел меня!

Я закричал:

– Потихе ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьешь прямо по живому? Ведь колешь же!

– Это я немножко не рассчитал! – И опять как кольнет!

– Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

– Я в первый раз в жизни шью!

И опять – коль!...

Я прямо заорал:

– Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

– Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны – длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

---

¹⁵ Плитка для приготовления пищи, работающая на керосине.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И еще было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но все время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

– Просим Кота в сапогах выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошел на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошел со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.